

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В РЕЗУЛЬТАТЕ КОЛЛЕКТИВНОГО И КОННЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ МЕДИАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

*Т.Е. Новицкая
Минск, Институт философии
Национальной академии наук Беларуси*

Системе современных медиа свойственны интерактивность, плюрализация, виртуализация и рост коммуникативной автономности субъектов символического производства. Для характеристики масштабных изменений, происходящих в социальном, культурном, политическом измерениях общества под влиянием новых сетевых медиа, ряд исследователей используют понятие медиатизации. Оно маркирует растущее влияние медиа на общество. В качестве одной из ключевых идей при изучении медиатизации выступает идея медиалогии. Датский исследователь С. Хьярвард определяет ее как совокупность институциональных, эстетических и технологических правил и ресурсов, посредством которых работают медиа [1, с. 95–96]. Медиалогия влияет на форму общения, на характер и функции социальных отношений [1, р. 105]. Медиа интегрированы в деятельность других социальных институтов, и в то же время они сами становятся одним из важнейших социальных институтов. В результате медиатизации возрастает зависимость других институтов от ресурсов, которые контролируют медиа. И чтобы получить доступ к этим ресурсам, социальные институты вынуждены разделять правила, по которым работают медиа.

Медиатизация – это долгосрочный процесс: периодически на главную арену выходят различные инновационные медиа, они оказывают трансформирующее воздействие на большинство сфер общественной жизни. А. Хепп обозначает современный этап медиатизации как «глубинную медиатизацию». Он связывает его со скачком в распространении новых медиа. Для него основной фактор углубления медиатизации сегодня – это цифровизация. Хепп выделяет три основные волны медиатизации, обусловленные механизацией, электрификацией и цифровизацией [2, с. 5]. На современной, продвинутой, стадии медиатизации все элементы социального мира неразрывно связаны с цифровыми медиа и их базовой инфраструктурой [2, р. 7, 34]. Итак, медиатизация протекает как смена различных волн, фундаментальных изменений в медиасреде. Существуют периоды их пересечения и наложения друг на друга. Сегодня это выражается в одновременном влиянии на общественное сознание телевидения и Интернета. Актуальна проблема «цифрового разрыва»: параллельно с ростом гипер- и интерактивности, сетевизации и социализации медиасреды часть аудитории по-прежнему получает информацию преимущественно по «традиционным» однонаправленным каналам.

Согласно идее У. Л. Бенетта и А. Сегерберг [3] [4], в условиях медиа-конфликтов на смену коллективному действию приходит коннективное действие. Логика коннективного действия противопоставляется ими логике коллективного действия, описанного М. Олсоном [5]. Коллективные действия – это действия, совершаемые группой лиц ради достижения одного и того же общественного блага. Коннективные действия возникают в результате сдвига в коммуникативных процессах, социальных структурах, социальности в направлении сетевизации. Характеризуясь той же ориентацией, что и коллективные, коннективные действия отличаются организационно – моделью коммуникации и взаимодействия. При коннективном действии базисом социальной идентичности становится широкомасштабное инклюзивное индивидуализированное самовыражение, а не эксклюзивность групповой идентификации. Коллективные действия – результат централизованной координации, медиакампаний, целенаправленной организации сообщества. Коннективные действия фундируются добровольным самовыражением в социальных сетях, замещающих формальные организации в их объединяющих функциях. Коллективное действие основывается на организационных ресурсах мобилизации и лидерства, а коннективное – порождается толпой, избегающей лидерства, направляющей ресурсы и генерирующей связи между рассредоточенными в пространстве группами. Коннективное действие – тип политического действия, характеризующийся неформальной сетевой организацией, мобилизацией участников посредством совместного производства и распространения контента в ходе персонализированной коммуникации в цифровых медиа, индивидуализацией, а также гибкостью политической идентичности его акторов. Стержневым элементом коннективного действия является обмен: персонализация способствует распространению контента и действий внутри социальной сети [3, p. 760].

Для осмысления ответственности в результате двух указанных видов политического действия необходимо прояснить вопрос о том, кто/что выступает в качестве их субъектов и в чем состоит их специфика. Под субъектом ответственности, возникающей в результате коллективного действия, подразумевается некий коллектив, сообщество. Коллективная субъектность в данном случае строится на групповых связях и на лидерстве, которое целенаправленно организует сообщество. Поэтому можно говорить, прежде всего, о коллективной ответственности, которая вытекает из разделяемой солидарности и связей. Весьма значимы для этого типа ответственности идентичность, осознание, признание и позиционирование себя в качестве члена сообщества (партии, движения, профсоюза и пр.). Еще один важный аспект коллективной ответственности связан с высокой значимостью роли лидера – здесь предполагается и соответствующее распределение (ранжирование) ответственности, т. е. она не просто разделяется участниками, ее концентрация возрастает на вершине вертикали. В ходе коллективного действия лидер мобилизует и направляет сообщество, он также представляет его от лица его участников.

Рассмотрим проблему ответственности, связанной с коннективным действием. Понимание такой ответственности усложняется рядом характеристик актуализирующего ее действия: отсутствием единства идентификации у действующих «коннективно», инклюзивностью и подвижностью сети и множественностью индивидуальных самовыражений. Возможна ли ответственность толпы, пусть и «умной толпы» (смартмоба, используя терминологию Г. Рейнгольда [6])? В ситуации коннективного действия мы имеем дело с гетерогенными идентичностями, объединенными в действие. В горизонтальной структуре мобилизация обеспечивается ресурсами самой сети, которая может быть достаточно нестабильной и разнородной, ситуативной. Размытость, подвижность смартмоба проблематизирует его ответственность. В таких условиях вопрос о том, кто ответственен, может казаться открытым... Однако для того, чтобы говорить об ответственности, кроме субъекта, принципиально наличие инстанции, перед которой он отвечает. В случае автономии субъект и инстанция могут совпадать. Но что происходит в ситуации гетерономии (моральной, правовой)? Например, когда сетевое, горизонтально структурированное коннективное действие осуществляется в достаточно иерархичном, вертикально выстроенном обществе. В данном случае в виду персонализации в сети при столкновении с вертикально организованной инстанцией может происходить индивидуализация ответственности. Поскольку отсутствует цельный единый коллективный субъект ответственности ею наделяются включенные в сеть.

Список литературы:

1. Looking beyond the field: development of the mediatization research agenda. Interview with Prof. Stig Hjarvard // MATRIZes.V. –10. № 1. –Jan./abr. 2016, São Paulo. – P. 89–102.
2. Hepp, A. Deep Mediatization. –London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2020. – 248 p.
3. Bennett, W. L. The logic of connective action. Information, Communication & Society / W.L. Bennett, A. Segerberg –2012. –V. 15. –№ 5. –P. 739–768.
4. Bennett, W. L. The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics / W.L. Bennett, A. Segerberg – Cambridge University Press, 2013. – 240 p.
5. Олсон, М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ, 1995. – 174 с.
6. Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция. Пер. с англ. А. Гарькавого. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 416 с.